Будущее-это день!..

Советская литература, которая под руководством большевистской партии борется за социалистическое строительство в нашей стране и за победу пролетариата во всем мире, является литературным отрядом социализма.

Если даже, как говорят, «невооруженным глазом» посмотреть на то, что происходит в мире,—видно, что так же, как в области экономики и политики, так и в области культуры, науки, искусства имеются два полюса. Это с одной стороны—Советский союз, а с другой стороны — это все силы воинствующего империализма.

Германские фашисты и японские империалисты являются не только врагами, собирающими все силы для того, чтобы подавить нас, но они являются и наиболее яркими представителями культуры фашистов, их идеалов, их философии, их науки. Некоторые высказывания представителей германского фашизма и японского империализма очень характерны для умонастроений наших врагов, для идей, господствующих среди них.

Например, литератор германского фашизма, «культурный штурмовик», как называют себя фашистские писатели, Рудольф Биндинг, довольно известный поэт, публикует в печати следующее заявление:

«Да,—говорит он,—мы не отрицаем, что в Германии идет охота на людей, на тех немецких людей, которых мы не признаем немцами. Мы признаем, что за происхождение, религию, убеждения, образ мышления в Германии одни люди преследуют, судят, мучают, убивают других людей. В Германии нет места марксистам, пацифистам, евреям, гуманистам и им подобным. Жертвам должно быть очень тяжело. Но, слава богу, немецкая душа, немецкая кровь в состоянии героически переносить страдания других». Расовая теория во всей ее неприкрытой омерзительности говорит устами этого гитлеровского литератора, заплечных дел поэта.

А вот что говорят некоторые японские лидеры. В одной весьма ответственной программной статье военный министр, глава японской военщины, Араки, пишет следующее:

«Всякие изучения должны исходить из самосознания. Прежде чем приступить к изучению того или иного вопроса в столь небывало тяжелом положении, надо твердо осознать: «Я — японец. Изучать те или иные вопросы без самосознания — это значит мерить без меры». Дальше он пишет: «Развивая свой великий дух, определившийся в течение 3000-летней истории, японский народ должен стремиться к распространению императорской нравственности. В этом заключается его вечная жизнь и слава как апостола мира. Долой еретическую доктрину материализма! Уничтожить развратные течения! На материю нельзя положиться. Сильный дух и бодрость в конечном счете решают все. Японский народ должен стоять выше всех и смотреть дальше всех».

Все эти господа спят и видят во сне, как они нападут на нас и попытаются уничтожить грозную и страшную для них страну, в которой победил пролетариат. Они пытаются противопоставить нам свои собственные теории, свои идеи, которые могли бы мобилизовать массы и вести их против нас.

Одной из таких теорий является так называемая «расовая теория», натравливающая основную часть живущих в стране на национальные меньшинства и народ одной страны на народ другой. В противовес пролетарскому интернационализму они проповедуют зоологическую расовую ненависть, теорию обособленности наций, варварскую теорию расовых войн.

Фашисты тратят громадные усилия на идеологическую обработку масс. Беспощадный бой идет между нами и фашистами на идеологическом фронте. Фашизм пытается притянуть на свою сторону мелкобуржуазных и буржуазных писателей Запада, работников культуры и искусства. Нельзя закрывать глаза на то, что кое-кто из буржуазных писателей тянется к ним. Вот, например, известный драматург Гауптман, одним из первых произведений которого были «Ткачи», постепенно все более и более приближаясь к фашистской идеологии, сейчас написал пьесу «Золотая лира», близкую фашизму. Его теперь называют «золотой лирой фашизма».

Но таких немного. Подавляющее большинство писательской интеллигенции и вообще интеллигенции ориентируется на нас, на Москву. Такой писатель, как Ромен Роллан, в своем последнем романе, называющемся «Гибель одного мира», уже говорит о конце, который ждет буржуазию, и о новом возникающем мире.

Во Франции премию академиков Гонкуров, присуждаемую за лучшие произведения, получил писатель Мальро. Получив премию, он написал, для кого и для чего был создан роман. Он написал следующее:

«Я пытался дать несколько изображений величия человека. Эти образы я искал у китайских коммунистов, разгромленных китайскими войсками, брошенных в бочки с кипящим маслом. Для этих мертвецов я писал».

Даже буржуазные писатели начинают понимать величие наших идеалов, величие наших дел, и многие из них безоговорочно переходят на нашу сторону. Такие писатели, как Ромен Роллан, Драйзер, Синклер, Мартин Андерсен-Нексе, Дос-Пассос, Андре Жид и многие немецкие писатели, которые принуждены были бежать из фашистского ада, являются нашими лучшими друзьями. Всесоюзный с'езд советских писателей по существу явится мировым с'ездом писателей, потому что лучшие представители даже буржуазной литературы приедут на наш с'езд в Москву.

Мы, советские писатели, должны быть отрядом воинствующего материализма, воинствующего интернационализма. В наших произведениях мы должны утверждать коммунистическую философию, коммунистическую идеологию, коммунистическую мораль. Наша литература шагнула далеко вперед. Мы имеем уже целый ряд крупных и серьезных произведений, но это совершенно недостаточно. Если посмотреть на те гиганты индустрии, которые созданы нами, и на те произведения, которые у нас есть, то невольно возникает вопрос — не слишком ли велика диспропорция, не слишком ли бледно описаны в наших произведениях великие дела, которые у нас совершаются? Я думаю, что это должно признать. Чувствуется, что иногда, подходя к грандиозной стройке, писатель смотрит снизу вверх и не может охватить все то, что он должен изобразить.

Литература должна быть умна. Сплошь и рядом читаешь книжку, написанную нашим писателем, и видишь, что герой, которого он описывает, в жизни гораздо умнее, чем получается в книжке. И иногда невольно возникает такая ехидная мысль: а не умнее ли этот настоящий герой того писателя, который написал книжку?

Нашим писателям и литераторам нужно уметь, как умеет Горький, работать над собой так, чтобы учить жить, а не только отображать жизнь. У нас часто говорят, что писатель написал неплохо, «совсем, как в жизни», «у нас на заводе была примерно такая же история». Но этого мало, потому что писатель должен показать в произведении не только то, что есть в жизни, но и должен открыть для читателя новые страницы, чтобы читатель мог сказать: «я этого еще не видел, этого я еще не знаю, так я буду поступать в будущем». Произведение должно не только отображать жизнь, но учить, помогать в жизни, быть действенным, активным.

Наша литература должна быть сложна и умна, но вместе с тем проста и доступна. Никаких словесных фокусов, никакой изысканности, она должна быть понятна всякому малограмотному рабочему. К этой простоте и в то же время сложности должен стремиться советский писатель.

Однако, для того, чтобы создать настоящее произведение, писатель должен видеть жизнь не только со стороны, но и быть активным участником этой жизни.

Полтора года назад была ликвидирована РАПП — организация, в свое время сыгравшая большую роль в деле собирания сил пролетарских писателей, но в последнее время ставшая тормозом дальнейшего развития литературы. Она обособила отдельные группы писателей-коммунистов от беспартийных ,от всей литературы. Рапповцы допустили серьезные ошибки и во взаимоотношениях между коммунистами, разбившимися на борющиеся между собой группировки внутри организации, и по отношению к беспартийным писателям, отделив тем самым их от общего фронта литературы. Центральный комитет вынес гениальное решение —РАПП была ликвидирована, и вот, выполняя непосредственные указания вождя партии, т. Сталина, и уделяющего большое внимание вопросам литературы т. Кагановича, советская литература, выступающая теперь мощным фронтом, сплоченной организацией, уже добилась больших успехов: она представляет теперь единый отряд, единую силу, единый коллектив.

Это не значит, что классовый враг не пытается использовать литературу как оружие для борьбы против диктатуры пролетариата. Можно было бы привести ряд примеров враждебных вылазок реакционных литераторов. Но надо сказать, что эти явления носят теперь единичный характер. Основная масса писателей безоговорочно связала свою судьбу с пролетарской революцией, с социализмом.

Каков же основной тон нашей литературы? В противоположность гнилому, упадочному творчеству буржуазии, мистически-истерическому литературному бреду фашизма наша литература есть и будет реалистической, радостной, бодрой, мужественной литературой, умеющей показать наших мужественных людей, наших героев, работающих у станков, на колхозных полях.

В журнале «Переход», который является органом авторитетной группы буржуазных писателей, Юджин Джолас напечатал программное стихотворение, в котором говорит:

Ночь — это весь мир,
Ночь — это творческий принцип,
Ночь — это внутренний мир,
Ночь — это источник всебытия,
Ночь — это самосозерцание,
Ночь — это сновидение,
Ночь — это смерть,
Ночь — это эрос,
Ночь — это детство человечества,
Ночь — это жажда высокого,
Ночь — это будущее...

Этот писатель лжет: будущее — это день, это день социализма, который уже наступил у нас и который встанет над всем миром.

В. КИРШОН.

* Сокращенная стенограмма выступления В. Киршона на Краснопресненской районной партконференции.

Гравюра на дереве худ. ДМИТРИЕВСКОГО. Из иллюстраций к книге СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «Гоголь уходит в ночь». Книга выходит вскоре в издании МТП.

О НОВЫХ ДЕТСКИХ КНИГАХ

ПАИ-МАЛЬЧИК ИЗ ХРЕСТОМАТИИ

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ О ВАЖНЫХ ВЕЩАХ

В с. Герасимовке на Урале кулаки убили пионера Павлика Морозова и его братишку Федю. (Из газет).

От этой сухой газетной заметки веет леденящим ужасом. Факт этот действует, как художественный образ. М. Доронин задумал использовать тему убийства пионера для создания художественного произведения, которое вскроет перед ребятами современные формы классовой борьбы в деревне, покажет роль ребят в ней, привлечет их к борьбе и сделает Павлика Морозова ее знаменем.

Замысел хорош. Но для его осуществления автору следовало создать живой, конкретный, близкий ребятам облик Павлика Морозова, возбуждающий их любовь и уважение; убедительно показать социальную необходимость дела, за которое погиб Павлик. Нужно было показать кулаков, убивших Павлика, конкретизировать их в образах людей, каких ребята видят каждый день; тогда ребята сумели бы переключить ненависть к убившим Павлика на живых действительных врагов.

К сожалению, М. Доронин понял свою задачу совершенно иначе. Павлик, трагически погибший герой, показан им как пай-мальчик из старой школьной хрестоматии.

В нашей школе, по мнению автора, ребята только «учат дельные слова», работа пионеротряда и вовсе сводится им к играм и маршировке. Отсутствие вожатого сказывается лишь в том, что «не едет (?), не идет игра», и некому построить ребят. И вот Павлик заявляет:

Буду я
Вожатым,
Раз другого нет!
И спокойно,
Просто
Направляет строй.
— Становись по росту
И шагай за мной!

Когда по дороге из отряда Павлика окружают кулаки и требуют, чтобы он бросил «пионерство», грозя убить его, невольно возникает вопрос: за что убить? И из-за чего, собственно, они беспокоятся?

Ведь поступок Павлика, за который он поплатился жизнью, — сообщение в райком о сделке председателя совета (отца Павлика) с кулаками и о спрятанном хлебе, — совершен уже после этих угроз.

Самый поступок — акт огромной самоотверженности и высокого классового сознания пионера Морозова, — поступок, который должен быть кульминационным пунктом всей книжки, — на нем и следовало заострить внимание читателя. Посмотрим, как это сделано Дорошиным.

Осмотрелись,
Спит село.
Шмыг в сельсовет.
За чернильным столом
В сельсовете пред.
Под окошком Пашка.
Ночь глубока.
Пишет пред бумажки
Кулакам.
Закорючками слова,
Колесом — печать.
Можно снова
Ворковать,
Хищничать опять!
Хорош председатель!
Иш, каков!
Почему предатель
Павлику знаком?
Воротник овечий,
Шуба, как у пса...
— Стой!
Да это плечи
Моего отца!..
...И решает Павлик:
Я в райком пойду,
Там отца заставят
Отвечать суду.
Пусть отец ответит,
Как его рука
Стала в сельсовете
Рукою кулака.

Веселый, танцующий легкий ритм. Никакого напряжения, ни тени раздумья. Все страшно легко, просто и... непонятно. Непонятно с начала до конца: как пионер Морозов ухитрился не знать, что его отец—председсельсовета? Как он узнал его? По плечам? Как умудрился в окно разглядеть, что именно написано в бумажках?

Полное игнорирование восприятия ребенка — основная черта книжки.

Сложнейшее содержание втиснуто в рамки четырехсот строк нарочито простенького стиха, местами настолько лаконично, что невозможно понять содержание.

Из-за всего этого книга достигает результатов, прямо противоположных намеченным. Она не обостряет, а затемняет классовое сознание ребенка, создает ложные и сумбурные представления; в тех же местах, где автору удалось дать некоторую эмоциональную насыщенность (сцена самого убийства), эмоции эти носят совсем нежелательный характер. Тот факт, что убийцы — родные дед и брат Павлика и Феди, вовсе не характерен, а именно он делает сцену убийства страшной и поэтому не мобилизует ребят на борьбу, а запугивает их.

Книга Дорошина — пример того, как не следует писать для детей на общественно-политические темы.

Л.

БУНИН, ГОРЬКИЙ и шведская академия

Понятно, что такое почтенное общество, как шведская академия, не решилось присудить нобелевскую литературную премию Горькому. Ведь Горький — социалист, коммунист, революционер.

Злой рок преследует шведскую академию; ее трагедия становится комичной. Она не решилась присудить первую нобелевскую литературную премию Толстому и предпочла ему малюсенького эстета Прудона. Вся молодая литературная Швеция во главе с понимающим толк в эстетике Левертином протестовала против этого ультраэстетического решения. Было секретом полишинеля, что это решение было продиктовано неисправимым Вирсеном. Вирсен давно уже покоится в могиле.

Многие академики, а возможно и все они, являются рассудительными мужчинами, каждый в своем роде. Что же заставляет их быть непроходимо глупыми (in corpore? Многие академики, а возможно и все вместе взятые, являются людьми среднего возраста. Что же заставляет их вести себя по-старчески глупо, когда они скопом заседают в биржевом зале? Тегнер писал о Лоренцо Гаммаршольде:

Глупым может быть каждый,
Но собрание их имеет свой разум.

То, что у писателя отнимают художественный талант, когда его считают опасным, это так же естественно, как аминь на устах у верующих в церкви. Так же естественно, что он становится художником, как только перестает быть опасным.

Как это смешно и глупо, когда шведская академия пытается абстрагировать мир поэта от общественной борьбы. Именно поэтому она обходит Горького и русскую революцию. Именно поэтому академия остановилась на русском эмигранте Бунине. Является ли он действительно художником и притом неопасным. Присмотримся к нему.

Пессимизм, граничащий с отрицанием жизни, характеризует идейное содержание творчества Бунина. Он делит людей на два рода: одни действуют, другие созерцают жизнь. Он предается мистике, он забирается в дебри типичной индийской философии. Расслабленные люди с высшим интеллектом, созерцающие жизнь, имеют за собою десятки веков переселений из одного существа в другое. Они устали, небытие для них — это избавление от сей земной юдоли. Они наблюдают жизнь, ничего не делают культивируют свое отрицание жизни. Подобно Шопенгауэру, искусство для Бунина — это стадия по пути от грубой реальной жизни к вечной тишине Нирваны.

В автобиографическом романе об Арсеньеве приводится комический эпизод о неудачной первой попытке женитьбы героя. Будущий тесть очень интересуется общественными интересами героя. Арсеньев с презрительной усмешкой замечает, что настоящее искусство не совместимо со служением интересам общества. Какая честь для шведской академии, что она тоже так тонко отделяет поэзию от политики!

В святочном рассказе Бунина водяной поступает по-божески. Он грабит богатых и приносит рождественские подарки бедным. Но это происходит только в сказочном мире. В нашем реальном мире Бунин не знает ни примирения, ни справедливости. Бунин считает это вполне естественным. Так и должно быть на святой Руси.

Купец копит деньгу.
А русский дворянин?

Помещик закладывает свои иконы у купца. Кутит на эти деньги в городе, кутит в одиночку дома, кутит с соседями в ресторане в Москве, кутит на свадьбе дочери, хочет повеситься, но не решается и клянчит деньги на возвращение в свою усадьбу.

Но если таков помещик, то каков же мужик?

Его жизнь похожа на жалкое прозябание, это идиотизм без просвета; он вечно голоден, он не вылезает из нищеты. Лошадь, страдающая жаждой после долгого перехода, не решается пить вонючую воду. Он пьет ее, закусывает хлебом, если только есть у него хлеб. А вокруг него богатый жирный чернозем — проклятие русской деревни. Бунин ничего этого не осуждает. Он закрывает свое окошечко и считает, что все в порядке на необозримых пространствах необ'ятной царской России.

Бунин не является революционером, совсем нет. Но всякий, кто хочет понять, почему русская революция является необходимостью и благословением неба, тот должен читать Бунина.

ОТ РЕДАКЦИИ

Награждение эмигранта Бунина Нобелевской премией 1933 г. вызвало в буржуазном мире, как и следовало ожидать, восторженные отклики со стороны всех реакционных и белогвардейских элементов и резко отрицательные со стороны радикально настроенной, критически мыслящей интеллигенции.

Многие видные критики с недоумением и возмущением отнеслись к избранию Бунина лауреатом Нобелевской премии 1933 г. Мы помещаем сегодня по этому вопросу статью ВИКТОРА СВАНБЕРГА, известного шведского критика, доцента по истории литературы, напечатанную в стокгольмском журнале «Тиден».

Директор шведской фирмы Лакероль, несомненно, — талантливый и прозорливый человек. Узнав о награждении Бунина нобелевской премией, он послал ему «патентованные» таблетки для горла Лакероль в надежде, конечно, на то, что новый лауреат всенародно и по достоинству оценит целебное средство этого лекарства.

Бунин не обманул ожиданий г. директора.

Обычно такие «деловые» фирмы подкупают кинодив, артисток варьете, желтых журналистов, юрких спортсменов, которые за свои весьма «анторитетные» отзывы получают от фирм немало денег. На этот раз фирма обратилась к... писателю. Мы не знаем, как отблагодарил господин директор Лакероля лауреата нобелевской премии 1933 года за его рекомендацию, но одно несомненно: на страницах крупнейшей газеты Швеции «Свенска Тагблат» г. директор увековечил имя Бунина, верного приверженца царской монархии и самой отвратительной буржуазной коммерции, и потомство будет ему за это благодарно.

На нашем снимке изображено об'явление фирмы с рекламным письмом Бунина к Лакеролю в газете «Свенска Тагблат» от 31 декабря 1933 г.

ДВЕ БИОГРАФИИ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

Н. ОГНЕВ

Павлюк Трус (уличная кличка Шестаковых; отец «владел» шестой частью крестьянского надела) родился и рос в одной из самых забитых и угнетенных колоний царизма, в стране классического колтуна, в краю, прославленном непроходимыми болотами и гнилыми гатями, — словом, в Белоруссии.

С самого раннего детства Павлюк был батрачонком, потом пастухом, играл, как все пастухи, на свирельке, — на жалобном и тоскливом инструменте деревенской бедности и одиночества. Это оттуда, из той поры, звучали в его поэтическом сознании свирельные нотки:

Во поле одна я
Жито дожинала...
Снопики вязала
Во поле одная я...*

Но именно в ту пору по стране впервые проехала огненными колесами империалистическая война. К шестнадцати годам своей жизни, а это было в 1920 г., Павлюк познал на своей спине все прелести немецкой и польской оккупации. Но он познал еще кое-что другое.

1 января 1919 г. была впервые провозглашена независимая Белорусская советская социалистическая республика. Ее биография берет свое начало от этой даты. И с этого момента начинается стремительный рост Павлюка Труса. В этом росте заложен глубокий смысл. Путь бывшего батрачонка и пастуха, в дальнейшем—комсомольца и стойкого революционного поэта, — это, конечно, яркий и радостный путь. Мощным революционным потоком хлынули на историческую арену трудящиеся массы белорусского селянства. Павлюк Трус, кудрявый парень-хохотун, явился вместе с ними к истокам знания, культуры, искусства — и уже звенят первыми наивными и простыми стихами. Он словно сконцентрировал в себе все черты освобожденного от гнета белорусского батрачества, чтобы стать не только поэтом, но в еще большей степени — поэтическим, подлинно художественным и волнующим образом.

В 1923 году Павлюк кончил школу, покинул родную деревню Низок с ее сломенными крышами и направился в Минск, чтобы поступить в педтехникум. В том же году молодой поэт начал печататься и вошел в литоб'единение «Молодняк».

Однако, для того чтобы правильно понять биографию Павлюка Труса, следует обратиться к некоторым штрихам биографии Белорусской советской республики.

Освобожденные из тьмы, из-под гнета, белорусские трудящиеся массы начали под руководством ВКП(б) строить новую жизнь, строить социализм.

Явная отрыжка зарубежной национал-демократии, белорусская нацдемовщина носила с самого своего возникновения явно антисоветский фашистский характер. Этого не поняли некоторые из старейшин белорусской культуры, притом иногда даже те, которые в гнусные царские времена сиживали в тюрьмах, отбывали сроки в ссылке, — вообще «страдали за народ». Не поняли они также диалектики нэпа. Прыжок из царства необходимости в царство свободы остался для них прыжком из царской колонии в «независимую» национальную Белоруссию. Из-за деревьев они не увидели леса; идея пролетарского интернационализма, воплощаемая партией в жизнь, не дошла до их сознания и эмоций; все заслонила сгранченно понятая идея родины.

Такими настроениями умело воспользовался классовый враг. Форпост белорусской культуры, Инбелкульт, был битком набит нацдемами, активно развивавшими свои «культурные» устремления по территории всей республики. Бывший президент Академии наук, реорганизованной в 1928 г. из Инбелкульта, проф. Игнатовский измыслил, например, теорию об отсутствии в Белоруссии кулака и классовых противоречий; из такой установки «логически» рождалось отрицание необходимости классовой борьбы.

Шовинистские стремления нацдемов выразились, например, в отрицании наименований: Белоруссия, Беларусь. «Корень рус происходит от москалей,—повинуясь зарубежной указке, рассуждали нацдемы.— Никаких белоруссов нет, есть кривичи и их родина—Кривия». Молитва «Верую», напечатанная в 1926 г в зарубежном журнале «Кривич» под редакцией некоего проходимца Ластовского, устанавливала для правоверных «кривичей» ряд канонов:

«Верую в родину нашу Кривию... Самоуправление — не считай независимостью... Не насаждай на своей народной почве ни языка чужого, ни поэзии, ни общественных форм, ни обычаев, ни навыков, раз они не выросли из народного духа...».

Обстановка на литературном фронте советской Белоруссии была тоже очень сложна. Литорганизация «Молодняк», в которую вошел Павлюк Трус, в 1923 г. только начинала свою деятельность. В «Молодняке» сначала преобладали революционно настроенные селянские поэты и писатели и представители белорусской интеллигенции. Пролетарская прослойка была незначительна, и вести за собой организацию не могла. Одна за другой от «Молодняка» откалывались группы писателей и поэтов и создавали новые литорганизации. Так образовались «Узвышша» и «Полымя».

Ассоциация пролетарских писателей — БелАПП, сыгравшая в свое время положительную роль в отношении консолидации пролетарских литературных сил, тем не менее решительной борьбы с нацдемовщиной не вела. Отсутствие такой борьбы, колеблющаяся позиция старых мастеров слова (Я. Купалы, Я. Коласа и др.), наличие четырех национальных литератур, а самое главное, неизжитая полностью до сих пор национально-тематическая ограниченность на литфронте, — все это позволяло классовому врагу ловко лавировать в белорусской литературе и влиять на неустойчивую, хотя и близкую нам молодежь. В результате появлялись такие произведения, как, например, фашистский роман «Кривичи» Зарецкого.

В такой обстановке приобретает особый интерес классовая позиция поэта Павлюка Труса.

В 1925 г. Павлюк вступил в комсомол, и это обстоятельство сразу наложило отпечаток на его творчество. Разумеется, П. Трус был не один; к этому времени выявились такие писатели как К. Чорный и др., и поэты, как например, Андрей Александрович. Но именно к периоду 1925—28 гг. относится усиленное развитие в белорусской литературе нацдемовских влияний.

Нужно сказать прямо, что микроб нацдемовщины в эти годы проник в той или иной форме во все без исключения литературные группировки Белоруссии. Во главе группы «Узвышша» стояли писатели Дубовка и Пуща. Часть членов этой организации быстро скатилась в контрреволюционное болото национал-демократии.

«Узвышша» поставила себе задачу вовлечь в свои ряды всех талантливых белорусских писателей и поэтов. И в первую очередь внимание «Узвышшы» было обращено на П. Труса. Все средства к вовлечению Труса в свой лагерь были пущены нацдемами в ход. И в то время, как один из вождей «Узвышшы», В. Дубовка всенародно об'являл, что из П. Труса, если он останется в «Молодняке», ничего не выйдет,—другие, «левые узвышшенцы» применяли к Трусу тактику обволакивания.

В результате Трус вышел из революционной организации «Молодняк», но в другом отношении нацдемы просчитались: Трус в «Узвышшу» не вошел, хотя в этот период творчества в стихах П. Труса стал обозначаться отход от актуальной революционно - пролетарской тематики, начали пробиваться упаднические нотки. «Тихий лирник под сосной» заменил на время образы героев-партизан.

Но Павлюк Трус, выходец из бедной крестьянской семьи, никогда не порывал связи с живой действительностью. Он работал в комсомоле, в «Полесской правде», вместе со своим другом и однокашником поэтом П. Глебкой исходил пешком всю Белоруссию, побывал на Осиновом болоте, где строилась первая БелГРЭС... И из груди его вырвалось гордое:

— В бархат сердца не продам!

Снова раскатистый павлюков смех загремел в «Молодняке» — нацдемовское обволакивание Труса лопнуло, как мыльный пузырь.

В 1928 году, когда партия, а с ней и трудящиеся массы Союза начинали решительную атаку на кулака, — Павлюк Трус написал свою поэму «Дзесяты падмурак» («Десятый фундамент»), — этот замечательный поэтический документ, блестящее подтверждение правильности ленинской национальной политики партии: ведь, поэма была написана бывшим белорусским батраком, выходцем из самых низов забитой, колониальной деревенской бедноты. Содержание поэмы «Дзесяты падмурак» — борьба строителей социалистической плотины с Неманом:

Проходят эпохи,
И боремся мы. —
Десятый фундамент наполнили...

А Неман бушует,
Сердито шумит,
И катятся грозные волны...

И если в начале поэмы Трус, охарактеризовав свою родную страну, как «край легенд», «край лесов и болот», «озерной печали», спрашивает:

Край полей,
О, край,—
Когда ж ты станешь
Краем фабрик дымных
И машин?

То в конце поэмы он определяет строителя социалистической плотины:

Сегодня—невольник,
А завтра — творец
Страны и свободной и вольной...

На поэме «Дзесяты падмурак» биография Павлюка Труса, прервалась: в 1929 году нелепая смерть от брюшняка вырвала его из наших рядов. Нет никакого сомнения, что, останься Трус в живых, он сумел бы продолжить свою биографию без срывов и колебаний. К этому времени, вопреки активному противодействию нацдемов, в Белоруссии уже действовал крепкий отряд подлинно советской литературы: поэты Михась Чарота, А. Александрович, П. Бровка и П. Глебко и прозаики: К. Чорный, П. Галавач, М. Лыньков и ряд других.

Биография страны развивалась энергичными темпами. В боях с нацдемовщиной и кулачьем выросла и закалилась белорусская организация ленинско-сталинской партии.

КП(б)Б является смелым проводником ленинской национальной политики в белорусской республике.

С 1930 года партия добилась перелома в коллективизации крестьянских хозяйств. Уже на 1933 год подлинная, планомерная коллективизация превысила 50 проц. бедняцких и середняцких хозяйств.

В силу своих топографических условий Белоруссия никогда не была особенно богата хлебом. И сейчас с.-х. будущее Белорусской республики — в развитии мясных баз, главным образом, свиноводства. За три года — с 1924 по 1927— поголовье в свиноводческих совхозах БССР выросло на 105 проц., а за пять лет, с 1927 по 1932,—на 4864 проц. Почти пять тысяч процентов! Цифра поголовья продолжает неуклонно расти, и недалеки те годы, когда Белоруссия будет в состоянии систематически снабжать мясом ряд центральных областей.

Осуществляется мечта Павлюка Труса: его край становится «краем фабрик дымных и машин». Металлургические, деревообрабатывающие, кожевенные, галантерейные, бумажные фабрики и комбинаты— на полном ходу. Машиностроительный завод им. Ворошилова в Минске вырос из крохотной ремонтной мастерской с 27 рабочими. Гомельский сельмаш оборудован по последнему слову техники и вырабатывает, главным образом, машины для механизации обслуживания животноводства. Бобруйский деревообрабатывающий комбинат выпускает стандартные дома, силосные башни, экспортные двери и другую экспортную продукцию. 24.000 тонн бемского стекла — годовая производственная программа Костюковичского стекольного завода.

Добыча торфа — гордость БССР. Свыше миллиона тонн в год дают право Белоруссии именоваться «торфяным Донбассом».

После энергичного вмешательства партии поправились дела и на культфронте.

Минск в прошлом—захудалый провинциальный городишко, с покосившимися домиками, непролазной грязью и парой учебных заведений. Теперь в нем выросли новые прекрасные здания, улицы залиты асфальтом и электрическим светом, работают три драматических и один оперный театр, магазины оформлены на московский образец,—оживленная вереница прохожих течет по улицам с утра до позднего вечера. Полным ходом работают госбиблиотека и огромный университетский городок; на доклады Академии наук поступают до 7.000 заявок. Велика тяга к науке и культуре трудящихся масс Белоруссии!

Нацдемовская головка разгромлена, единицы — в щелях. Ленинская — сталинская партия — на посту и не ослабляет бдительности ни на час.

Под руководством КП(б)Б растет советская социалистическая Белоруссия. Националисты в прошлом— Янка Купала и Якуб Колас стали народными поэтами республики. Творчество обоих поэтов вновь и вновь подтверждает правильность литературной политики партии, в частности, огромное значение постановления ЦК от 23 апреля 1932 года. И Купала и Колас, судя по их последним произведениям, включились в строительство социализма.

Стихи Павлюка Труса вышли в издании Академии наук. Белорусские поэты и писатели непрерывно растут и являются крепким и сплоченным отрядом единой советской литературы.

Биография Белорусской советской социалистической республики, начавшаяся пятнадцать лет назад, на стремительных путях революции развивается в построение бесклассового общества, в коммунизм.

* Перевод с белорусского везде мой—Н. О.